

Мужчина в белом смотрел то в одну, то в другую сторону, полный радости и любопытства, не пропуская ни одного ларька или магазина. Мужчина в черном стоял на некотором расстоянии, не выходя за пределы зоны защиты, но и не приближаясь слишком близко.

— Младший брат, посмотри. — Му Цинцзя подвел Хо Вэя к ларьку и указал на бумажного змея в форме бабочки, висящего на бамбуковой стойке. — Нравится? — с улыбкой спросил он.

Хо Вэй приподнял бровь, не отвечая.

— Значит, очень нравится. — Му Цинцзя улыбнулся. — В детстве ты больше всего любил бумажных змеев-бабочек. Помнишь? В первый раз змей никак не хотел взлетать, и ты долго злился.

Хо Вэй сжал губы, но промолчал.

Он, конечно, помнил. В ту раннюю весну, когда шестилетнего ребенка только что привезли на Гору Гаоту. Тогда деревья еще не распустились, и в горах не было ни одного слуги, только птицы и звери, а также старший брат, который был на три года старше.

Он помнил, как этот старший брат, пришедший из мирской жизни, умел мастерить и, видя, что мальчику скучно и он скучает по дому, сделал для него бумажного змея.

Так как его отец был главой клана, а сам он в детстве не мог заниматься культивацией, члены клана относились к нему с внешним уважением, но в душе презирали. Кроме старшего брата, который часто путешествовал, он никогда не получал доброты от сверстников.

Он помнил, как его сердце забилося сильнее, когда он взял в руки бумажного змея-бабочку.

— В первый раз он не взлетел, потому что в тот день не было ветра. — Му Цинцзя сказал с улыбкой. — Но на следующий день змей все-таки взлетел. Ты знаешь, почему?

Хо Вэй подумал: «Взлетел и взлетел, что тут может быть особенного?»

— Это потому, что я тайком нарисовал заклинание левитации на крыльях бабочки и попросил оленя, которого вырастил учитель, дуть на вершине горы. — Му Цинцзя с трудом сдерживал смех. — Младший брат, ты ведь не думал, что это ты сам его поднял, правда?

Хо Вэй нахмурился и резко отвернулся.

Му Цинцзя хохотал.

Он знал, что подшучивать над младшим братом было не совсем правильно, но ему просто хотелось этого. Как будто в его сердце засела травинка, которая чесалась, и он хотел, чтобы младший брат плакал, смеялся и сердился на него.

Только так этот невыносимый зуд мог временно утихнуть, превратившись в мягкий комок, лениво лежащий в душе.

Му Цинцзя взял бумажного змея-бабочку и положил на бамбуковый прилавок кусочек серебра.

Этот кусочек серебра был самым мелким из всех, что у него были. Перед отъездом юноша Хо Лун дал ему амулет-оберег, наполненный мирскими деньгами, сказав, что они еще встретятся в Янчжоу для совместной прогулки.

Конечно, все это передал ему Хо Вэй. Говоря о «совместной прогулке», он с презрением скривил губы.

Как бы то ни было, этих денег было более чем достаточно, чтобы Му Цинцзя мог чувствовать себя в этом городе как дома.

Он быстро догнал Хо Вэя, который дулся, и, извиняясь, стал уговаривать его. Мужчина в черном смягчился и позволил ему тянуть себя за собой, чтобы осматривать вещи и пробовать еду.

Вокруг звучали шумные голоса, теплые и оживленные; среди них был один особенный дыхательный ритм, спокойный и далекий, но всегда рядом.

Так и хорошо, — подумал Му Цинцзя.

Если бы эта жизнь, не похожая на жизнь бессмертных, могла продолжаться вечно.

Когда амулет-оберег Му Цинцзя наполнился различными вещами и едой, солнце стояло в зените, и весеннее тепло было на пике. Они шли по главной улице, миновав западный рынок с торговцами, и подошли к величественному зданию.

Между западным и восточным рынками, в самом центре Гуяо, возвышался дворец градоправителя. Проходя мимо, шум постепенно стихал, и возникало ощущение торжественности. Дворец был окружен высокими стенами, у ворот стояли восемнадцать солдат в доспехах, охраняя вход.

Однако вместо традиционных каменных львов, которые обычно охраняли входы в дворцы Девяти Областей, по обеим сторонам ворот стояли два журавля, готовые взлететь.

Му Цинцзя с удивлением спросил об этом.

— В двухстах ли к востоку находится секта Сюань, символом которой является журавль. — кратко ответил Хо Вэй.

Именно поэтому Гуяо выбрал журавля в качестве символа, выражая тем самым свою приверженность, лесть или веру.

Это место сильно отличалось от окрестностей Горы Зеленых Холмов, которые знал Му Цинцзя. Зеленые Холмы находились на самом юге Девяти Областей, там было мало школ бессмертных, и даже демонические культиваторы редко посещали их, поэтому простой народ жил своей жизнью, мало взаимодействуя с бессмертными и демонами, и их вера была слабой.

А в центральной и восточной частях Девяти Областей, где школы бессмертных были многочисленны, культиваторы смешивались с мирскими людьми, и священные горы часто появлялись в мире, принимая в свои ряды мирских людей с духовными корнями, поэтому местные обычаи и культура сильно менялись под влиянием веры в бессмертных.

Пройдя дворец градоправителя еще на две-три ли, они вошли в более оживленный восточный рынок. Му Цинцзя потянулся, чувствуя легкий голод, как они остановились у входа в винный дом.

Он поднял голову, внимательно вглядываясь в неровную вывеску, и медленно прочел надпись.

— Павильон, где небо сливается с морем?

— Разве ты не хотел поесть? — невозмутимо сказал Хо Вэй.

Му Цинцзя вспомнил, как он недавно, уговаривая его, случайно упомянул это место. Однако, если это место осталось в его памяти даже после потери воспоминаний, блюда здесь должны быть необычными.

— Младший брат, ты заботливый. — Он улыбнулся и, взяв Хо Вэя за руку, переступил порог.

Хо Вэй так хорошо скрывал их присутствие, что Му Цинцзя пришлось несколько раз позвать, прежде чем слуга заметил их и, поклонившись, повел внутрь.

Павильон, где небо сливается с морем, оправдал его ожидания. Внешне он был величественным и роскошным, но внутри оказался тихим и уютным местом.

За ширмой из зеленых гор скрывался двор с пышными деревьями, и слышался мягкий звук текущей воды. Поднявшись по белым каменным ступеням, они прошли по извилистой дорожке, окруженной садами и отделенными друг от друга белыми стенами с черной черепицей.

Водный поток протекал под стенами, соединяя все здание, над водой свисали виноградные лозы, а на поверхности плавали опавшие цветы, создавая спокойную и приятную атмосферу.

Му Цинцзя почувствовал, как его тело погрузилось в изобилие духовной энергии, и ему стало еще приятнее.

— Какое чудесное место, — вздохнул он. — Младший брат, тебе здесь нравится?

— Мм, — ответил Хо Вэй.

— Я так и думал, — сказал Му Цинцзя. — Это место находится на духовной жиле, что делает его благоприятным местом. Если бы здесь было меньше мирской суеты, можно было бы основать школу.

Слуга, видя, что они одеты со вкусом и ведут себя спокойно и культурно, проводил их в уютный дворик.

Они сели в беседке, окруженной персиковыми деревьями, лепестки которых, розовые и белые, рассыпались по каменным ступеням, а некоторые падали в ручей, уносясь весенним потоком за пределы двора.

Хо Вэй, одетый в черное, с резкими чертами лица, казался строгим, но лепестки не боялись его и мягко опускались на кончики его бровей.

Му Цинцзя улыбнулся, снял с брови розовый лепесток и, старательно понюхав, понял, что ничего не чувствует, и положил его в рот.

— Как сладко, — он улыбнулся.

Хо Вэй слегка расширил глаза.

Му Цинцзя не осознавал, что его поведение было слишком фамильярным. Из пяти чувств у него остались только слух и вкус, и он использовал свой способ «нюхать» цветы.

Однако для окружающих это выглядело как поведение наглого соблазнителя.

Му Цинцзя удобно оперся на руку, выбрал несколько блюд, которые ему запомнились, и заказал кувшин вина «Брови Лао-цзюня», передав заказ слуге.

Слуга записал заказ и уже собирался уйти, как Хо Вэй остановил его.

— Один ху вина «Сладкого источника».

Слуга повторил заказ.

— Вино «Сладкого источника»? — Му Цинцзя непроизвольно облизнул губы.

— Самое известное мирское вино в Юйчжоу, — Хо Вэй опустил глаза, взял чайник с вином Лао-цзюня и налил две чашки в фарфоровые чашки.

— Ты любишь вино? — удивился Му Цинцзя. — Я помню...

— Ты любишь.

Хо Вэй даже не взглянул на него, пододвинул одну чашку к Му Цинцзя, а другую взял себе, поднеся к носу и покачивая.

— А, — Му Цинцзя улыбнулся, чувствуя, как его сердце снова защемило.

Он сделал небольшой глоток чая и почувствовал, что вкус стал еще ароматнее и насыщеннее. Сначала он подумал, что это из-за настроения, но после нескольких глотков понял, что необычный аромат не исчезает.

Хо Вэй тоже заметил это и сказал:

— В прошлый раз такого не было.

Этот странный аромат не был чем-то вроде снотворного, а был свежим, сладким и оставлял приятное послевкусие, что вызвало у них недоумение.

Как раз в этот момент в беседку вошла подавальщица с вином «Сладкого источника», и Му Цинцзя спросил:

— Маленькая госпожа, вы не знаете, что добавили в вино Лао-цзюня? Почему оно отличается от предыдущего?

<http://bllate.org/book/16250/1461401>